

Глава III

Ингерманландская культурная автономия и ее ликвидация (1920-е — 1930-е гг.)

1. Ингерманландия в 1920-е гг.

После заключения Тартуского мира в истории Ингерманландии начался мирный период, продолжавшийся до конца десятилетия. В течение этого периода ингерманландские финны и другие родственные им жители российского Северо-Запада могли относительно свободно пользоваться правами, совокупность которых содержала в себе если не все, то многие элементы концепции национально-культурной или личной автономии в том виде, в котором в начале столетия ее разрабатывали австрийские социалисты К. Реннер и О. Бауэр. Во главу угла этой концепции вместо территории был поставлен отдельный индивид, и ее авторы предлагали предоставить национальностям, проживавшим рассеянно, такие же широкие культурные и языковые права, как и расселенным компактно. По замыслу Реннера и Бауэра, граждане государства должны были записываться в национальные кадастры, независимо от того, где они проживали. Созданные таким образом национальные сообщества действовали бы как автономные единицы в области самоуправления, культуры и образования. В России эту концепцию восприняли и взяли на вооружение некоторые национальные социалистические группы, в первую очередь «Бунд» (Всееврейский рабочий союз в России и Польше), а также армянский «Дашнакцутюн», грузинская социал-демократическая партия «Сакартвело», белорусская социалистическая «Громада». Из всех новых государств, образованных после 1918 г., законодательное решение национальных проблем в Эстонской республике в наибольшей степени соответствовало программе, разработанной Реннером и Бауэром. Конституция Эстонии, принятая в 1920 г., провозглашала (п. 21), что «члены национальных меньшинств в пределах Эстонии могут образовывать соответствующие автономные учреждения для охраны интересов своей национальной культуры и благосостояния, в той степени, в какой это не противоречит интересам государства».¹

¹ Maddison E. Die Nationalen Minderheiten Estlands und ihre Rechte. Tallinn, 1930. S.7.

Большевистское руководство к экстерриториальному типу автономии в принципе относилось отрицательно. В. И. Ленин в своей работе «Критические заметки по национальному вопросу» сурово раскритиковал проекты экстерриториальной культурно-национальной автономии. Реализация подобного типа автономии, в частности, разделение школьного дела по национальностям, по мнению Ленина, создавала предпосылки для усиления национального отчуждения, роста мелкобуржуазного национализма. Автономия допускалась лишь на территориальной основе: «Демократический централизм не только не исключает местного самоуправления с автономией областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует и того, и другого».² Несколько иначе подходил к проблеме И.В. Сталин. В своей работе «Марксизм и национальный вопрос» он, вслед за Лениным, также подверг критике программу культурно-национальной автономии и высказался за областную автономию, при которой «приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории».³ Однако Сталин считал возможным дать национальным меньшинствам некоторые права: «Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием прав родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком, — и недовольство пройдет само собой. Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу, — и недовольство потеряет всякую почву. Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести..., передвижения и пр. Дайте ему эти свободы, — и оно перестанет быть недовольным».⁴ Такие права представляли собой определенные уступки принципу культурно-национальной автономии.

Ленин и его единомышленники выступали за областную принцип автономии, который и был реализован при образовании СССР в 1922 г. (территориально-административное устройство Советского Союза представляло собой, собственно, синтез федерализма с разно-уровневой территориальной автономией). Однако советские руководители в силу ряда внутривнутриполитичес-

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113–150.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. С. 361–362.

⁴ Там же. С. 363.

ких причин, сочли возможным согласиться на реализацию некоторых элементов национально-культурной автономии. Те уступки, которые допускались в сталинской работе «Марксизм и национальный вопрос», фактически были сделаны в отношении целого ряда национальных меньшинств страны. Вызвано это было с первую очередь тем, что поддержка национальным меньшинствам оказывалась в противовес русскому национализму, лозунгу «единой, неделимой России», который был начертан на знамени политических противников большевиков. Помимо внутривластных, определенную роль играли и внешнеполитические факторы, в частности, необходимость скорейшего урегулирования отношений с соседними государствами, прежде всего с Финляндией и Польшей, военного сближения между которыми опасались большевистские лидеры. Отчасти и с этим были связаны некоторые уступки в пользу национальных устремлений финского населения Северо-Запада России, равно как и польского населения Украины и Белоруссии. Допуская известные послабления, большевики, однако, полностью сохраняли в силе идеологический диктат своей партии и держали общественную жизнь страны, в том числе и развитие самоуправления и культуры национальных меньшинств, по неусыпным политическим контролем.

События гражданской войны привели к значительному перемещению населения на российской территории. Петроградская губерния не была исключением: изменения затронули как социальный, так и национальный состав ее населения. При сопоставлении результатов губернской переписи населения 1920 г. с данными переписи 1897 г. бросается в глаза резкое сокращение на территории губернии количества немцев (19 527 человек), уменьшение, хотя и менее значительное, числа поляков (37 068 человек). В то же время выросла численность некоторых других национальных групп (латыши, литовцы — тех и других вместе — 36 203 человека, евреи — 30 150 человек). Численность финского населения Петроградской губернии к 1920 г. также несколько сократилась и составила, по данным переписи, 113 972 человека.⁵ Это сокращение связано с тем, что, во-первых, около 11 тысяч беженцев из сельских районов Северной и Западной Ингрии находились в это время на территории Финляндии и Эстонии. Во-вторых, после 1917 г. в Финляндию выехала значительная часть подданных бывшего Великого кня-

⁵ Золотарев Д.А. Указ. соч. С. 36.

жества Финляндского, проживавших главным образом в самом Петрограде: в 1920 г., по данным переписи, в городе оставалось 7148 финнов.⁶ Значительная часть последних покинула Россию в конце 1917–1919 гг., причем многие пересекли границу нелегально, после же заключения Тартуского мира выезды приобрели систематический характер, согласованный обеими сторонами. В 1920 г., в частности, из Петрограда и губернии в Финляндию организованно выехали 700 человек.⁷ Среди возвращавшихся в Финляндию оказалось и некоторое число «красных финнов», воспользовавшихся амнистией, предоставленной условиями мирного договора.⁸ Особенно заметно число финских жителей сократилось в Петроградском и Ямбургском уездах, в Петергофском и Шлиссельбургском осталось примерно на прежнем уровне, а в Детскосельском (бывшем Царскосельском) даже несколько выросло, составив 42 028 (в том числе сельское население — 40 034 человека).⁹ На протяжении первой половины 1920-х гг. в Петроградской/Ленинградской губернии вновь наблюдался некоторый рост численности финского населения, так как значительная часть беженцев вернулась в родные места, кроме того, имел место, хотя и в ограниченных пределах, приток финских эмигрантов — коммунистов и других лиц левой ориентации — из Финляндии и Северной Америки (более активный характер этот процесс приобрел в начале 1930-х гг.).

Сведения о национальном составе даже по крупным территориально-административным единицам на 1920-е гг. в разных источниках не совпадают друг с другом, не говоря уже о более мелких. Связано это не только с неточностью подсчетов, но также с тем обстоятельством, что в этот период продолжались миграционные процессы, состав населения не был стабильным. Кроме того, в середине 1920-х гг. началось преобразование административного деления советской территории, границы территориально-административных единиц несколько раз изменялись. В феврале 1923 г. произошло слияние Детскосельского и Петергофского уездов, и был образован новый уезд — Гатчин-

⁶ Там же.

⁷ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 91.

⁸ Всего, по подсчетам П. Невалайнена, в 1918–1924 гг. из России в Финляндию выехали около 19 тысяч бывших подданных Великого княжества Финляндского (Nevalainen P. Punaisen myrskyn suomalaiset. S. 206).

⁹ Золотарев Д.А. Указ. соч. С. 32–33.

ский (переименованный вскоре в Троцкий в связи с переименование г. Гатчины в Троцк), а Шлиссельбургский уезд был присоединен к Петроградскому (с 1924 г. — Ленинградский), границы ряда волостей также пересматривались. По данным на 1 января 1925 г. финноязычное население распределялось по сельской местности названных и Кингисеппского (бывшего Ямбургского) уездов следующим образом (данные не вполне полные, так как здесь учтено население только тех волостей, в которых национальные меньшинства составляли не менее 5 %):¹⁰

<i>уезды</i>	<i>все население</i>	<i>финны</i>	<i>эстонцы</i>	<i>ижоры</i>
Ленинградский	126 982	40 337	1333	
Гатчинский	203 203	63 788 ¹¹	8569	1205 ¹²
Кингисеппский	66 981	7157	8103	12 965 ¹³
Всего	397 166	111 282	17 480 ¹⁴	14 170

По волостям наиболее заметным преобладание финское население было в Куйвзовской волости Ленинградского уезда — 11 612 человек из 15 531, а также в Ленинской (8652 из 16 967), Парголовской (9060 из 24 412), Токсовской (5059 из 8923) волостях того же уезда и в Гатчинской (Троцкой — 12 294 из 20 633), Староскворицкой (4867 из 6935), Ораниенбаумской (5301 из 9072) и Стрельнинской (5837 из 14 869) волостях Гатчинского (Троцкого) уезда.¹⁵

В 1927–1928 гг. произошло изменение территориально-административного деления во всеоюзном масштабе: вместо прежних губерний и уездов было введено деление на области, округа и районы. Ленинградская область, образованная 1 августа 1927 г., включила в себя территории бывших Ленинградской, Новго-

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 064. Л. 2.

¹¹ По более полным данным, численность финского населения Гатчинского (Троцкого) уезда в 1925–1926 гг. составляла 83 836 человек, в том числе сельского — 82 158, эстонского — всего 10 276, сельского — 8686 (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 054. Л. 1).

¹² В Ковашевской волости.

¹³ В основном в Сойкинской (6155) и Наровской (5199) волостях.

¹⁴ Кроме того, в сельской местности Гдовского уезда проживали 15 603 эстонца, Лужского — 7578.

¹⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 12 064. Л. 1–1 об.

родской, Псковской, Череповецкой и части Архангельской (Кольский полуостров) губерний, т.е. фактически весь российский Северо-Запад, за исключением Карелии. До конца 1930-х гг. границы области несколько раз изменялись, часть районов была передана в состав соседних областей. Территория Ленинградской губернии оказалась разделенной между тремя округами: Ленинградским, Лужским и Псковским. В состав Ленинградского округа из прежних уездов губернии вошли весь Ленинградский, большая часть Троицкого, Кингисеппского и Волховского (Новоладожского) и часть Тихвинского, входившего ранее в состав Череповецкой губернии. Лужский уезд, большая часть Гдовского, две волости Кингисеппского и небольшая часть Троицкого уездов составили Лужский округ, три волости Гдовского и одна волость Лужского уездов отошли к Псковскому округу.¹⁶ Внутри округов было введено деление на районы, которые по территории были меньше прежних уездов, по количеству их оказалось соответственно больше (в Ленинградском округе — 13). При образовании районов несколько волостей бывшего Петроградского уезда, в которых преобладало финское население, были объединены в один район, центр которого был в Токсово, но район получил название Куйвозовского. Деление на округа в Ленинградской области было упразднено в 1930 г., был сохранен только Мурманский округ, преобразованный в 1938 г. в отдельную область. В 1935 г. был временно восстановлен Псковский округ и образован новый Кингисеппский округ, что было связано с их пограничным положением. Свои современные границы Ленинградская область получила лишь к середине 1940-х годов, когда были выделены Новгородская и Псковская области, а к Ленинградской области были присоединены земли Карельского перешейка, отторгнутые в 1940 г. у Финляндии и включенные поначалу в состав Карело-Финской ССР.

Первая Всесоюзная перепись населения 1926 г. определила численность финского населения Ленинградской губернии в 125 884 человека, из них 6753 человека в Ленинграде и 119 131 — на территории губернии за пределами Ленинграда. При проведении этой переписи финны-ингерманландцы в первый и единственный раз учитывались отдельно от «финляндских» финнов. Среди финского населения Ленинградской губернии насчитывалось, по данным переписи, 114 831 ингерманландец (2813 в Ленинграде и 112 018 в области) и 11 053 финна иного проис-

¹⁶ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 104. Л. 1–2.

хождения (3940 в Ленинграде и 7113 в области).¹⁷ В другом источнике — материалах Подотдела национальных меньшинств агитационного отдела Ленинградского обкома ВКП (б) и организационно-инструкторского отдела Ленинградского окружного исполкома — на конец 1927 — начало 1928 г. по Ленинградскому округу дается еще более высокая цифра — 140 212 человек, из них в сельской местности — 121 895 человек.¹⁸ Согласно данным переписи 1926 г., численность ижор составляла 16 030 человек¹⁹ — несколько выше по сравнению с переписью 1897 г. Это арифметическое увеличение, однако, вряд ли связано с реальным ростом численности ижорского населения. Как уже упоминалось, при переписи ижорами была записана часть вожан, проживавших в районе нижнего течения Луги. Кроме того, возможно, что некоторые лица ижорского происхождения, говорившие на финском или русском языке как на родном, попали при переписи 1897 г. в соответствующие группы населения, теперь же такие лица назвали себя ижорами. Водское население, по официальным данным, составляло 694 человека,²⁰ но эта цифра, возможно, несколько занижена: по другим данным, вожан насчитывалось 844 человека.²¹ Сведения о численности эстонцев мало отличаются от данных переписи 1897 г.²² О национальном составе сельского населения районов Ленинградского округа в 1927–1928 гг. дает представление следующая таблица.²³

¹⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. С. 108–125. Кроме того, 217 ингерманландцев проживали в Карелии. Общая численность финского населения Советского Союза переписью установлена в 134 701 человек, из них около 119 тысяч — ингерманландского происхождения. Финский язык назвали родным 153 тысячи человек.

¹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 38; ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 59. Л. 8.

¹⁹ Янсон П.М. Указ. соч. С. 6. По другим данным, в Ленинградском округе в 1928 г. проживало 15 212 ижор (ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 59. Л. 8), однако здесь не учтено ижорское население Лужского округа.

²⁰ Янсон П.М. Указ. соч. С. 6.

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 38.

²² По губернской переписи 1920 г. — 65 813 человек (Золотарев Д.А. Указ. соч. С. 36). В сельской местности Ленинградского округа (без бывших Лужского и Гдовского уездов) в 1928 г. проживало 22 877 эстонцев (ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 59. Л. 8).

²³ Источник: ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 112. Л. 12.

<i>районы</i>	<i>все население</i>	<i>в т.ч. сельское</i>	<i>из них:</i>			
			<i>русские</i>	<i>финны</i>	<i>эстонцы</i>	<i>ижоры</i>
Волосовский	28 250	28 250	16 309	6585	4814	
Гатчинский	70 095	46 284	18 622	24 115	2415	103
Детскосельский	75 735	39 997	21 630	17 116	243	
Кингисеппский	22 019	17 016	9306	1783	2295	3015
Колпинский	64 176	22 755	16 691	3427	357	
Котельский	24 872	24 872	12 631	2785	859	7609
Куйвозовский	20 689	20 689	4142	16 371	70	
Ленинский	24 117	17 216	7333	8991	242	39
Мгинский	37 071	36 518	32 540	3177	418	
Молоковский	19 776	19 776	13 502	1995	4043	2
Оранienбаумский	43 216	34 833	21 342	6474	2150	4440
Парголовский	38 771	21 626	9079	11 228	167	2
Урицкий	59 152	28 218	12 943	12 992	202	30

Все водское население (694 человека) было сосредоточено в Котельском районе. Кроме того, в сельской местности в нескольких районах в 1927–1928 гг. проживали 7630 поляков, 4630 латышей, 4312 немцев,²⁴ то есть, численность других национальных меньшинств оставалась незначительной. Как можно видеть из таблицы, финны доминировали в чисто сельском Куйвозовском районе, который, собственно, и создавался как национальный район. Относительный перевес прибалтийско-финского населения наблюдался также в сельской местности в Гатчинском, Урицком и Парголовском районах; в этих районах общее преобладание русских складывалось лишь за счет преимущественно русского населения городов и поселков городского типа.

Этап советской национальной политики, начавшийся в начале 1920-х гг., известен как эпоха «коренизации». Основные принципы этой политики были впервые намечены в статье Сталина, опубликованной в «Правде» в октябре 1920 г. Подробно программа коренизации была сформулирована на XII съезде РКП (б), созванном в апреле 1923 г. Коренизация означала: использование местного языка при осуществлении местного управления; обязательное изучение местного языка ответственными работниками; образование школ с преподаванием на местном языке; выпуск марксистской литературы, книг, периодических изданий на местных языках; вовлечение национального населения в работу правительственных, партийных и местных советских органов. На практике политика коренизации ознаменовала известные уступки в пользу официально отвергнутой идеи национально-культурной автономии. Одним из основных про-

²⁴ Там же; ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 59. Л. 8.

явлений коренизации было образование национальных районов и сельских советов для этнических меньшинств. Раньше всего — в 1924 г. — этот процесс начался на территории Украины и в Белоруссии. На Украине к концу 1920-х гг. было образовано 1089 национальных сельсоветов и 26 национальных районов (девять русских, семь немецких, четыре болгарских, три греческих, два еврейских, один польский). В Белоруссии в начале 1930-х гг. действовало 93 национальных сельсовета (больше всего польских, русских и еврейских) и польский национальный район.²⁵ В этот период национальные кадры выдвигались на руководящие должности, организовывались сотни национальных Советов, создавались алфавиты для бесписьменных прежде языков, открывались национальные школы. В Белоруссии, к примеру, в школьном преподавании, в местном самоуправлении использовались четыре языка: белорусский, русский, польский и идиш. На Украине к 1927 г. 82 % школ было переведено на украинский язык.²⁶ В то же время национальные меньшинства этой республики также имели возможность получать образование на родном языке: в начале 1930-х гг. на Украине работали 571 немецкая и 831 еврейская школы.²⁷ В Крыму период 1923–1927 гг. был временем так называемой «татаризации»: татары составили большинство членов правительства Крымской автономной республики, язык крымских татар, наряду с русским, был признан государственным языком автономии.²⁸ В то же время неверно было бы расценивать крымскую автономию как территориальную татарскую автономию, на чем настаивают нынешние лидеры крымско-татарского национального движения. Население Крыма было многонациональным, помимо татар, здесь жили русские, украинцы, греки, армяне, евреи, болгары, караимы, представители других наци-

²⁵ Martin T. *The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1929.* Ithaca and London, 2001. P. 40, 49.

²⁶ Suny R.G. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union.* Stanford, 1993. P. 102–103.

²⁷ Вихавайнен Т. Национальная политика ВКП(б)/КПСС в 1920-е — 1950-е гг. и судьбы карельской и финской национальностей // *В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы.* Петрозаводск, 1998. С. 19.

²⁸ *Genocide in the USSR: Studies in Group Destruction.* New York, 1958. P. 21.

ональностей. Автономия, существовавшая в Крыму, носила название просто Крымской АССР, ее татарский характер никак не оговаривался. В июне 1924 г. в районе Саратова была основана автономная республика немцев Поволжья, где немецкий язык также стал языком местного самоуправления и школьного образования.²⁹ Эта немецкая автономия действительно имела территориальный характер, однако в других регионах, в которых имелось сравнительно многочисленное немецкое население, в частности, на Украине и в Ленинградской губернии/области, автономные права немцев не выходили за сугубо культурные рамки.

На территории РСФСР образование национальных сельсоветов началось в 1926 г. на территории Ленинградской и Новгородской губерний. Специфика ситуации на Северо-Западе России заключалась в том, что права местного финского населения были обозначены в приложении к Тартускому мирному договору. Возможно, именно этим отчасти объясняется тот факт, что практическое осуществление политики коренизации в этом регионе началось раньше, чем в других российских областях, хотя первенствующее значение в отношении властей к ингерманландским финнам и другим этническим меньшинствам имели все же общие тенденции советской национальной политики: декларация советской делегации на тартуских переговорах была подготовлена «в информационном порядке» и, с точки зрения советского руководства, не имела обязательного характера. Национальные сельсоветы образовывались в местах компактного проживания национальных меньшинств, где последние составляли не менее двух третей населения. В 1931 г. на территории Ленинградской области (без Мурманского округа) насчитывалось 60 финских сельсоветов, из них 23 — в Куйвозовском районе, 19 — в Ленинградском пригородном районе, 9 — в Красногвардейском (Гатчинском), по 3 — в Ораниенбаумском и Тосненском, 2 — в Кингисеппском и 1 — в Мгинском, а также 18 эстонских, 23 вепских, восемь ижорских, четыре карельских, три латышских, два немецких.³⁰ Национальных районов на территории области к концу 1920-х гг. было образовано два: финский Куйвозовский, где финны составляли около 82 % населения, и вепский Винницкий на востоке области (еще один финский национальный район был образован в Мурманском округе).

²⁹ Ibid. P. 49.

³⁰ Рыкшин П.Е. Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1931. С. 86–89.

В марте 1924 г. Совет национальных меньшинств Наркомата просвещения разослал циркуляр, предписывавший губернским отделам народного образования разработать план перевода школ на родной язык в губерниях со значительным количеством национальных меньшинств среди населения.³¹ С этого года на территории страны начался массовый перевод преподавания на родной язык в начальных и, частично, средних школах, посещаемых представителями национальных меньшинств, включая и те, которые не имели территориальной автономии. В районах расселения ингерманландцев школьное обучение велось на финском языке. В 1923 г., к примеру, в Ингерманландии функционировало 229 финских трудовых школ первой ступени (т.е. начальных, из них 142 в Гатчинском уезде, 83 — в Петроградском, 1 — в Кингисеппском и 3 — в Петрограде), в которых обучалось около 11 500 детей, три школы второй ступени (средние).³² Число финских школ продолжало расти, и к маю 1925 г. в Ленинграде и Ленинградской губернии действовало 250 финских начальных школ.³³ В 1927—1928 учебном году в новых границах области функционировала 261 финская школа обеих ступеней из общего числа 368 национальных школ. За финскими следовали, с заметным отрывом, эстонские школы, которых насчитывалось 75, затем — латышские (27), немецкие (11) и еврейские (8) школы.³⁴ Изб-читален, красных уголков и клубов в финских селах и деревнях в конце 1926 г. насчитывалось 150.³⁵

В 1919—1920 гг. продолжало действовать основанное еще в 1918 г. Токсовское вольное народное училище (в источниках известно также под названием Высшая финская крестьянская школа), находясь в ведении финской секции Петроградского губернского отдела народного образования. Однако местный партийный коллектив в августе 1920 г. пришел к заключению о том, что «означенная школа не соответствует своему назначению, а напротив, является учреждением явно контрреволюционным». Центральное бюро финских организаций РКП (б), оз-

³¹ Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 151.

³² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 885. Л. 37.

³³ Там же. Д. 11 990. Л. 1. В Кингисеппском уезде, кроме того, была 41 смешанная школа, в 22 из которых финны, эстонцы и ижоры составляли свыше 90 % учащихся, в шести из них преподавание велось на родном языке (Там же. Л. 5).

³⁴ Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 145.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2580. Л. 15—17.

накомившись с заявлением токсовского партийного коллектива, передало дело о Токсовском училище на рассмотрение финского подотдела отдела просвещения национальных меньшинств Наркомпроса.³⁶ О принятом решении сведений обнаружить не удалось, но по всей вероятности, деятельность училища была прекращена, так как в документах образовательных учреждений, относящихся к последующему периоду, никаких упоминаний о нем уже не встречается.

В декабре 1922 г. Северо-Западное бюро ЦК РКП (б) рассмотрело и одобрило предложение Центрального бюро финских организаций РКП (б) об организации сельскохозяйственного техникума для финского населения Петроградской губернии, а в конце февраля 1923 г. Петроградский комитет профессионально-технического образования дал разрешение на открытие финского сельскохозяйственного техникума и утвердил его устав. Техникум был организован во Всеволожске, набор учащихся начался с 1 ноября 1923 г. Курс обучения в техникуме, продолжавшийся в общей сложности четыре года, подразделялся на подготовительное и специальное отделения.³⁷ В 1926–1927 учебном году в техникуме работали три класса (группы), число учащихся составило 100 человек. Директором техникума тогда же стал Н.П. Пеллинен, проработавший в этой должности до 1937 г. С 1934 г. в техникуме было образовано также эстонское отделение.³⁸ В начале осени 1922 г. постоянные педагогические курсы в Гатчине, действовавшие на основе Колпанской семинарии, были преобразованы в Финский педагогический техникум с семилетним курсом обучения. В течение первого учебного года в техникуме получили образование 260 человек (140 женщин и 120 мужчин).³⁹ В середине 1920-х гг. техникум был переведен из Гатчины в Ленинград. Выпускники техникума направлялись преподавать не только в Ленинградскую область, но и в Карелию и в населенные финнами районы Мурманского округа.⁴⁰ Кроме того, на действовавших с начала 1920-х гг. эстонских педагогических курсах в 1929 г. было образовано финское отделение, и курсы были преобразованы в эстонско-финский педагогический техникум; в 1934 г. на финском отделении этого

³⁶ Там же. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 926. Л. 12.

³⁷ Там же. Д. 1265. Л. 11, 14, 46, 64.

³⁸ Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 185–186.

³⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 886. Л. 1 об.

⁴⁰ ЦГА СПб. Ф. 7444. оп. 2. Д. 85. Л. 6 об.

техникума обучались 287 человек (на эстонском — 123).⁴¹ Отделения финского языка и литературы имелись в Ленинградском государственном университете и Ленинградском государственном педагогическом институте (в последнем финское отделение было открыто в 1926 г.). Большая группа финских студентов проходила обучение на Петроградском/Ленинградском отделении Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, открытом в 1922 г. с целью подготовки партийных кадров для национальных меньшинств и зарубежных коммунистических партий. В начале 1925 г. на отделении обучалось 165 финнов.⁴² Первым ректором отделения был один из руководителей ФКП Ю. Сирола, затем его сменил другой известный лидер финских коммунистов Г. Ровио.⁴³

К проявлениям общественно-культурной жизни национальных меньшинств относилась деятельность национальных домов просвещения и театров. С 1927 г., в результате объединения двух финских клубов, в Ленинграде начал действовать Финский дом народного просвещения им. О.В. Куусинена, который занимался культурно-просветительской работой среди финского населения как города, так и области; служащие дома устраивали доклады, лекции, проводили вечера, демонстрации кинофильмов, при доме работали различные кружки (хоровой, танцевальный, драматический, русского языка и др.).⁴⁴ Дом занимал помещение бывшего Шереметевского особняка на улице Воинова (Шпалерной), 18. После выхода постановления СНК СССР от 7 октября 1930 г. о перестройке системы руководства театрами, в котором имелся пункт о расширении и укреплении сети национальных театров, драмкружки при национальных домах просвещения были преобразованы в профессиональные театры. Попытки основания финского театра в Петрограде предпринимались и раньше. В августе 1920 г. вопрос об организации театра обсуждался на собрании драматического кружка клуба финских железнодорожников. В ноябре того же года финской секции подотдела просвещения национальных меньшинств удалось собрать труппу и организовать театр. Однако с самого на-

⁴¹ Миренков В.И. Эстонско-финско-ижорский педагогический техникум — страница трагической истории ингерманландцев // Новый часовой. 2000. № 10. С. 363.

⁴² ЦГАИПД СПб. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 9.

⁴³ Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 210.

⁴⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 258. Оп. 11. Д. 2. Л. 10.

чала театр испытывал серьезнейшие трудности, связанные как с недостаточным финансированием, так и с отсутствием подходящего помещения для проведения репетиций и постановки представлений.⁴⁵ В 1922 г. театр был закрыт.⁴⁶ В ноябре 1930 г. президиум областного совета по делам искусств принял решение ввести драмкружки Эстонского и Финского домов просвещения в систему Дома самодеятельного искусства в качестве профессиональных театров национальных меньшинств.⁴⁷ В труппе финского театра в начале 1930-х гг. числилось 16 человек, его художественным руководителем был Г. Тамми, директором — Т.К. Кеттунен. Репертуар театра состоял преимущественно из переводных русских советских пьес. Лишь в середине 1930-х гг. в нем появились национальные пьесы, поставленные по произведениям Алексиса Киви, Майю Лассила и других финских авторов. Театр выступал главным образом в районах области: так, за 1935 г. он дал 216 спектаклей, из них 27 в Ленинграде, 16 в райцентрах и 173 в финских колхозах и совхозах области.⁴⁸

Трудности, переживаемые финскими и другими национальными образовательными и культурными учреждениями в этот период, имели объективный характер. Ощущался недостаток подготовленных учителей: около 60 % учителей национальных школ не имели педагогического образования.⁴⁹ Вследствие закрытия границ с Финляндией приобрел остроту вопрос снабжения финских школ и библиотек учебниками и литературой на финском языке. В отчетах финской секции Петроградского губкома партии неоднократно звучали жалобы на нехватку учебников, отсутствие художественной литературы.⁵⁰ По данным на конец 1926 г., в распоряжении финских библиотек и изб-читален имелось 33 661 экземпляр книг на русском языке и только 4596 экземпляров — на финском.⁵¹ Однако никаких искусственных препятствий для получения образования на финском и других языках национальных меньшинств и работы национальных просветительных учреждений тогда не создавалось. 5–6 июля 1925 г.

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 926. Л. 7, 8; Д. 930. Л. 7–7 об.

⁴⁶ Смирнова Т.М. Национальные театры Петрограда — Ленинграда. 1917–1941 годы. СПб., 1996. С. 80.

⁴⁷ Там же. С. 81.

⁴⁸ Там же. С. 82, 84–85.

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2580. Л. 152.

⁵⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 885. Л. 3, 32.

⁵¹ Там же. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 44.

состоялась Первая финская крестьянская уездная конференция Ленинградского уезда, которая констатировала, что основы национальной политики советского руководства «дают ингерманландскому крестьянству свободную дорогу развитию культуры на национальном языке во всех ее видах».⁵²

В Ленинграде и области издавались периодические издания на языках национальных меньшинств, и больше всего таких изданий было на финском языке. Наиболее крупное из них — газета «Вапаус» — выходила (в разное время) от одного до четырех раз в неделю тиражом в 1500–1800 экземпляров. Также издавались еженедельная комсомольская газета «Нуори каарти» («Nuori Kaarti» — «Молодая гвардия», выходила с 1926 г.), ежемесячный журнал «Коммунисти» с тиражом 1500 экземпляров (стал выходить с начала 1925 г.), еженедельный сельскохозяйственный журнал «Кюнтяйя» («Kuntäjä» — «Пахарь», выходил в 1928 г.), газета для женщин «Тюöläis- ja Talonpoikaisnainen» («Работница и крестьянка»), переименованная в начале 1930-х гг. в «Неувостонайнен» («Neuvostonainen» — «Советская женщина»), пионерская газета «Кипиня» («Kipinä» — «Искра»), выходившая один раз в две недели.⁵³ В финском национальном районе с начала 1930-х гг. выходила газета «Токсован колхозник».⁵⁴ Кроме того, при 11 районных газетах имелись странички на финском и эстонском языках.⁵⁵ В 1927–1930 гг. в Ленинграде издавался литературно-художественный журнал на финском языке «Сойхту» («Soihtu» — «Факел»); журнал выходил раз в месяц, его тираж доходил до 4 тысяч экземпляров, на его страницах публиковались стихи, рассказы, очерки, хроника текущих событий.⁵⁶ В 1930 г. журнал был слит с петрозаводским журналом «Пуна-Кантеле» («Puna-Kantele»), а в 1932 г. издание было переименовано в «Ринтама» («Rintama» — «Фронт»)⁵⁷.

⁵² ЦГА СПб. Ф. 212. Оп. 1. Д. 262. Л. 1.

⁵³ Там же. Л. 45; Ф. 9. Оп. 1. Д. 2677. Л. 6.

⁵⁴ Леметти И.М. Советская Ингерманландия. М.; Л., 1931. С. 41.

⁵⁵ Смирнова Т.М. Партийная и советская печать на национальных языках в Петрограде и Петроградской губернии в годы гражданской войны // Обновление: межнациональные отношения и перестройка. Материалы научно-практической конференции. Л., 1989. С. 174.

⁵⁶ Алто Э.Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск, 1989. С. 29, 31.

⁵⁷ Там же. С. 46, 57.

Наряду с периодическими изданиями на финском языке, издавались и неперIODические. В начале 1920-х гг. финское книгоиздательство было сосредоточено в типографии Центрального бюро финских организаций РКП (б). В частности, в июле–сентябре 1920 г. было выпущено 42 наименования книг, брошюр и листовок.⁵⁸ С 1923 г. начало функционировать кооперативное издательство «Кирия» («Kirja» — «Книга»). Организация финского издательского кооператива было задумано в первую очередь для издания учебников для финских школ, в которых ощущался сильный недостаток. 23 апреля 1923 г. Петроградский районный союз сельских коопераций обратился с письмом в Петроградское отделение Главного управления по делам литературы и издательств с просьбой об издании литературы на финском языке.⁵⁹ Через два дня был составлен устав издательства, в котором в качестве его цели было обозначено «оказание культурно-просветительной помощи финскому населению и организациям путем издания как оригинальных трудов и переводов своих членов, так и соответствующих трудов нечленов в области политической, научной, учебной, художественной, юношеской и прочей литературы, издание журналов, газет, сборников и т. п. на финском языке; распространение своих изданий, а также снабжение учебными пособиями финских школ, изб-читален, культпросвет. учреждений и т.д. на территории Ленинградской губернии».⁶⁰ Учредителями издательства были известные лидеры ФКП Г. Ровио, Ю. Сирола, В. Г. Оянен, А. Вастен и Т. Тёрмяля.⁶¹ В июне 1923 г. правление издательства обратилось в Центральное бюро финских организаций РКП (б) с просьбой о предоставлении субсидии в размере 1000 рублей «для устранения

Советские финские газеты и журналы.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 57. Л. 30-31.

⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 905. Л. 195.

⁶⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2620. Л. 12.

⁶¹ Там же. Л. 23.

первоначальных трудностей в деятельности кооператива». Предполагалось издать в первую очередь детскую азбуку, учебники по истории России и Финляндии, географии, арифметике, календарь рабочего и крестьянина.⁶² Эта субсидия, видимо, не сразу, но все же была получена, так как план печатания 10 учебников на 1923–1924 учебный год не удалось реализовать,⁶³ однако со следующего года издательство все же сумело развернуть свою деятельность и издавать не только учебную, но и политическую, сельскохозяйственную, художественную и прочую литературу. С 1924 по 1926 г. издательство «Кирия» выпустило 76 изданий общим тиражом в 242 493 экземпляра.⁶⁴ До 1932 г. были опубликованы в общей сложности 944 книги и брошюры на финском языке.⁶⁵

С 1 января 1931 г. постановлением президиума Леноблисполкома кооперативное издательство «Кирия» было реорганизовано в государственное издательство Леноблисполкома и ЦИК Карельской АССР. На 1 января 1932 г. к издательству относились Ленинградское отделение, с издательскими отделами периодических и непериодических изданий, Карельское отделение и типографии в Ленинграде и Петрозаводске. Во главе издательства стояло правление из семи человек, по три его члена назначались ЦИКом КАССР и Леноблисполкомом, а назначение председателя происходило по соглашению обоих органов. На должности председателя правления в начале 1930-х гг. находился секретарь Карельского обкома ВКП (б) Г. Ровио, а «непосредственное управление в оперативном и административном направлении» по-прежнему осуществлял заведующий издательством Т. Тёрмяля.⁶⁶ В сентябре 1933 г. издательство «Кирия» вновь подверглось реорганизации и было теперь преобразовано в издательско-полиграфический трест при СНК КАССР с отделением в Ленинграде.⁶⁷

⁶² Там же. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 906. Л. 125–125 об.

⁶³ Там же. Д. 11 885. Л. 32.

⁶⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2620. Л. 7–7 об.

⁶⁵ Kulha K. Neuvostovallan aika (1920–1941) // Inkerin suomalaisten historia. S. 366. При ликвидации дел издательства «Кирия» в 1937 г. список вышедшей в издательстве литературы, переданной ликвидационной комиссией в Государственную публичную библиотеку, составил 662 различных наименования (ЦГА СПб. Ф. 4452. Оп. 1. Д. 80. Л. 23–56).

⁶⁶ ЦГА СПб. Ф. 722. Оп. 1. Д. 70. Л. 4; Оп. 2. Д. 16. Л. 69.

⁶⁷ Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 420–421.

В 1929 г. в Ленинграде стали транслироваться радиопередачи на финском языке, а с 1934 г. на ленинградском радио действовал сектор вещания на иностранных языках, в который входили четыре редакции: финская, эстонская, латышская и немецкая.⁶⁸

В рамках политики коренизации Ленинградский губернский исполнительный комитет в сентябре 1926 г. ввел должность уполномоченных уездных (позднее — районных) исполкомов среди национальных меньшинств и утвердил инструкцию по их работе. Согласно этой инструкции, уполномоченным, в частности, надлежало: «Разработать вопрос о проведении необходимых мероприятий для обеспечения возможности национальным меньшинствам обращаться в местные государственные учреждения на своем языке; принять меры к организации юридической помощи для национальных меньшинств на соответствующих языках; ...следить за тем, чтобы отчетные собрания местных Советов проводились также на языках соответствующих национальных меньшинств, чтобы печатные отчеты... публиковались на языках национальных меньшинств; ...разрабатывать и готовить вопросы о выделении сельских, поселковых и более крупных административных единиц с делопроизводством на языках соответствующих национальных меньшинств в местностях с преобладанием в составе населения одной какой-либо национальности, при гарантии прав языков остальных... национальностей; поднять перед соответствующими органами вопрос об усилении подготовки работников из числа национальных меньшинств; своевременно принимать меры к тому, чтобы при составлении бюджетов были достаточно предусмотрены расходы на нужды национальных меньшинств...».⁶⁹

Следует отметить, что культурный подъем и развитие самоуправления национальных меньшинств в Ленинграде и области были относительными в силу их ограничения жесткими идеологическими рамками. О каком-либо плюрализме и свободе слова не могло быть и речи. Предоставляя определенные льготы национальным меньшинствам, власти, в то же время, постоянно заботились об их политической обработке. Значительная часть печатных изданий и материалов прессы имела вполне определенную идеологическую направленность. Среди финнов и других национальных меньшинств пропагандировались

⁶⁸ Суни Л.В. Ингерманландские финны: исторический очерк. С. 18; Смирнова Т.М. Национальность — питерские. С. 102.

⁶⁹ ЦГА СПб. Ф. 596. Оп. 1. Д. 164. Л. 110—111.

социалистические идеи. Эту же цель преследовали и передачи ленинградского радио на языках национальных меньшинств, включая финский. Местные кадры целенаправленно вытеснялись с административных постов и из преподавания и заменялись финскими коммунистами-эмигрантами, которым власти доверяли больше. После ликвидации Губернского отдела по делам национальных меньшинств в конце 1923 г. идеологическая работа среди национальных меньшинств была сосредоточена в подотделе национальных меньшинств агитационного отдела Ленинградского обкома ВКП (б), в состав которого входило несколько национальных секций, в том числе финская. Кроме того, специальный отдел национальных меньшинств был образован в Ленинградском облисполкоме.⁷⁰

Ингерманландские крестьяне, однако, не очень хорошо поддавались идеологической обработке и предпочитали сохранять традиционный уклад жизни. В отчетах партийных органов политические настроения ингерманландского населения характеризуются как отсталые.⁷¹ К примеру, в октябре 1921 г. финская секция Петроградского губкома РКП (б) сообщала в ЦК ФКП, что у крестьян преобладает мелкобуржуазное мировоззрение, они не проявляют большого интереса к коллективным формам хозяйствования. Грамотность среди финноязычного населения, отмечалось в том же письме, выше, чем у русских, однако восприятие пролетарской культуры слабо, что объясняется его «мелкобуржуазным хозяйственным положением».⁷² Связано все это было отчасти с тем, что бедняцкая прослойка, обычно более склонная к восприятию коммунистических идеалов, среди ингерманландцев была сравнительно немногочисленна. Но и даже работа с самой беднотой проводилась недостаточно активно. В отчете подотдела национальных меньшинств, датированном мартом 1928 г., признавалось, что эта работа ведется от кампании к кампании, систематичность в ней отсутствует, групп бедноты среди национальных меньшинств не организовано, а если где-то такие группы и существуют (как при Куйвозовском сельсовете), то они бездействуют.⁷³ На совещании районных уполномоченных среди национальных меньшинств и председателей национальных сельсоветов в июле 1929 г. Буланов из Куйвозов-

⁷⁰ Смирнова Т. М. Национальность — питерские. С. 101.

⁷¹ Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari. S. 39.

⁷² ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 804. Л. 157.

⁷³ Там же. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 42.

ского района заявлял, что «большинство нац[иональных] меньшинств по культурному и хозяйственному уровню стоит выше русского населения, но в политическом отношении — гораздо ниже»; по мнению выступающего, уполномоченные на местах ведут работу неудовлетворительно, комплектование национальных школ, особенно повышенного типа, проводится неправильно, «большой частью туда пролезают дети кулацких и прочих антисоветских элементов».⁷⁴

О слабой политизации ингерманландского населения говорит и очень небольшое количество коммунистов среди финнов — сельских жителей. К примеру, по данным на ноябрь 1921 г. среди финнов в Петроградском уезде насчитывалось 133 члена РКП (б) и девять кандидатов, в Детскосельском — 63 члена партии, в Шлиссельбургском — 140, в Петергофском — 42. В то же время в Петрограде, где финнов проживало меньше, чем в любом из перечисленных уездов, партийными билетами обладали 336 финнов.⁷⁵ В 1923 г. в Петроградской губернии насчитывалось 648 финнов-коммунистов, из них 364 проживали в Петрограде и 284 — в уездах, причем около 1/2 коммунистов составляли эмигранты.⁷⁶ По сведениям на начало 1928 г., членами ВКП (б) в районах Ленинградской области состояли 315 финнов, кандидатами — 125. Причем в основном это были опять же городские жители: среди финнов — членов и кандидатов в члены партии было 170 рабочих, 123 служащих и только 147 крестьян. В сельской местности насчитывалось 18 финских партийных ячеек и 11 смешанных финско-русских.⁷⁷ В комсомольских организациях Ленинграда и губернии на 1 июня 1925 г. состояли 1700 молодых финнов (409 — в Ленинграде, 689 — в Ленинградском уезде, 580 — в Троицком, 22 — в Кингисеппском).⁷⁸

Относительно свободным в 1920-е гг. оставалось лишь развитие религиозной жизни ингерманландских финнов. Антицерковные мероприятия советских властей в первые послеволюционные годы были направлены главным образом против русской православной церкви и мало затронули другие конфессии. Последствия закона об отделении церкви от государства и школы от церкви сказались, впрочем, и на лютеранах: были рек-

⁷⁴ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 60. Л. 44.

⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 58. Л. 117–117 об.

⁷⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 885. Л. 13.

⁷⁷ Там же. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 40.

⁷⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 988. Л. 2.

визированы земли, выделенные пасторам, здания церковных школ и библиотек, кассы для бедных, часть церковной утвари. С февраля 1918 г. обучение религиозным предметам было отменено в средних учебных заведениях Петроградского учебного округа,⁷⁹ а в 1922 г. было установлено наказание за преподавание религии в школах, сбор денег на церковные нужды, торговлю предметами религиозного культа и «другие нарушения закона об отделении церкви от государства».⁸⁰ Все же лютеранская церковь, не имевшая монастырей, крупных земельных угодий и располагавшая относительно скромным имуществом, понесла не такие крупные потери, как православная церковь. Советские антирелигиозные публикации, беспощадно обличая «контрреволюционное» православное духовенство, к протестантам относились более снисходительно, оценивая их как благонамеренных граждан, которые хотя и находятся в плену религиозных предрассудков, но все же способны объективно способствовать строительству социализма.⁸¹ Сложности, переживаемые финской церковью в Ингерманландии, были в первую очередь связаны с разрывом связей с лютеранской церковью в Финляндии и с тем, что в годы гражданской войны большинство приходов осталось без пасторов, которые стали уезжать в Финляндию. Еще в феврале 1918 г. Россию покинул лемболовский пастор П. Сонни, за ним последовали В. Перониус из прихода Вуоле-Никюлясы и А. Форстадиус из Белоострова. В течение последующих двух лет в Финляндию и Эстонию выехали еще десять пасторов, в том числе все пасторы Западной Ингрии, которые ушли через границу в конце 1919 г. вместе с отступающими войсками Юденича (последним покинул Россию Э. Пярнянен из прихода Тюрё, уехавший в конце 1920 г. в санях, запряженных лошадьми, по льду Финского залива), двое умерли, а в 1921 г. от сыпного тифа умер марковский пастор О. Линдберг. Всего из 25 лютеранских священников, служивших в 1917 г., к 1921 г. в Ингерманландии оставались лишь пятеро: епископ эстонца О. Палса, пробст Ф. Реландер, ставший позднее епископом, пасторы С.Я. Лауриккала и К. Сиитонен и немецкий священник Л.Й. Шульц, служивший пастором в эстонских общинах

⁷⁹ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 286.

⁸⁰ Kahle W. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinden in der Sowjetunion. Leiden, 1974. S. 264–265.

⁸¹ Religious Policy in the Soviet Union. Cambridge, 1993. P. 7.

Западной Ингрии.⁸² Инструктор В. Путтонен, обследовавший в апреле 1922 г. положение в Белоостровской и Осинорошинской волостях, сообщал в своем докладе, что все четыре церкви, находящиеся в этих волостях, «за неимением пастора бездействуют».⁸³ Позднее некоторые из уехавших пасторов готовы были вернуться, однако им не удалось получить въездные визы. Попытки ингерманландских прихожан добиться разрешения приглашать пасторов из Финляндии для отправления религиозных обрядов успеха не имели.⁸⁴ При подготовке новых священников надо было рассчитывать лишь на собственные силы. Подготовка лютеранских священников стала осуществляться с середины 1920-х гг. в Ленинграде на организованных стараниями немецкого епископа А. Мальмгрена частных теологических курсах, преобразованных затем в семинарию. Работа этой семинарии продолжалась с 1925 по 1929 гг., ее выпускники П. Хайми, А. Яятинен, А. Корпелайнен и Й. Варонен возглавили затем финские лютеранские приходы.⁸⁵

В целом жизнь ингерманландских приходов на протяжении 1920-х гг. проходила в сравнительно спокойной обстановке. Деятельность немецкой лютеранской консистории в Петрограде, которой ранее подчинялась Ингерманландская церковь, к началу 1920-х гг. фактически замерла. С этим было связано стремление финских приходов к всё большей организационной самостоятельности. В январе-феврале 1919 г. были основаны Временное правление финских приходов Ингерманландии и Финское отделение Петроградской евангелическо-лютеранской консистории. В конце сентября 1919 г. отделению был придан статус самостоятельной консистории.⁸⁶ Образование отдельной финской консистории и высшего церковного совета и объединение финских приходов Ингерманландии в отдельный синодальный округ были утверждены Российским евангелическо-

⁸² Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. S. 13–16.

⁸³ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.

⁸⁴ Полпред в Финляндии И. Л. Лоренц, комментируя эти попытки, заявил, что следует «нащупать группы ингерманландцев, работающих в Ленинградской губернии в пользу Финляндии, и дать им на собственной шкуре понять, что это занятие и опасное, и невыгодное» (Рупасов А.И. Советско-финляндские отношения. Середина 1920-х — начало 1930-х гг. СПб., 2001. С. 50).

⁸⁵ Amburger E. Die Pastoren der evangelischen Kirchen Rußlands. S. 30.

⁸⁶ Luther G. Op. cit. S. 98–99.

лютеранским епископским советом в Москве 3 марта 1921 г.⁸⁷ Еще раньше, в 1920 г., свой высший церковный совет в Петрограде образовали латыши, а в 1921 г. одновременно с финским начал функционировать и эстонский высший церковный совет.⁸⁸ В состав финской консистории были избраны первоначально семь членов, затем к ним добавились еще шестеро, ее председателем стал пробст Ф.Ф. Реландер, возглавлявший токовский приход, заместителем председателя — пастор С.Я. Лауриккала из прихода Рябово. На общем церковном собрании (в котором участвовали члены консистории, попечители приходов и делегаты от приходов) Реландер был избран финским епископом Ингерманландии, с декабря 1921 г. он также отвечал за финский приход церкви Св. Марии в Петрограде (предыдущий пастор этого прихода, Й. Сааринен, отошел от дел по болезни и в связи с преклонным возрастом еще в 1918 г.). В 1923 г. Реландер оставил все свои посты в связи с болезнью и выехал в Финляндию, откуда уже не вернулся; он умер в 1925 г. Главным должностным лицом в ингерманландской церковной организации стал пастор С.Я. Лауриккала: в мае 1924 г. он был избран председателем финской консистории и высшего церковного совета, а с февраля 1925 г. возглавил также приход Св. Марии.⁸⁹

В июне 1924 г. в Москве собрался общий (генеральный) синод лютеранской церкви в России. От финской церкви в работе синода участвовали четыре представителя: С.Я. Лауриккала, пасторы С. Пеннанен и А. Яатинен и кантор Р. Хуйма. В решениях синода проявилось положительное отношение к вопросу о предоставлении немечкам национальным группам большей автономии в церковных делах. Была подтверждена внутренняя самостоятельность национальных церковных организаций. Было решено проводить собрания генерального синода раз в три года. В перерывах между ними в Москве работала общероссийская лютеранская консистория, в состав которого финны, эстонцы и латыши могли совместно избирать одного своего представителя.⁹⁰ Один из трех епископов, назначенных синодом, О. Палса (ранее — настоятель гатчинского финско-эстонско-немец-

⁸⁷ Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. S. 18. Финский высший церковный совет располагался по адресу Невский проспект, д. 26 (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 48. Л. 3).

⁸⁸ Kahle W. Op. cit. S. 97.

⁸⁹ Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. S. 20–21.

⁹⁰ Ibid. S. 22

кого лютеранского прихода), должен был осуществлять общий контроль за эстонскими, финскими и латышскими приходами. После его смерти в 1926 г. его заменил А.Э. Юргенсон, также эстонец.⁹¹ При введении нового деления российской территории на пробства в 1924 г. границы трех ингерманландских пробств остались неизменными. Должности пробстов были заняты в Восточной и Западной Ингрии соответственно до 1925 и 1926 гг., в Северной (Шлиссельбургском пробстве) — до 1937 г.⁹² В 1927 г. было подтверждено выделение финских, эстонских и латышских приходов в отдельные синодальные округа, остальные приходы делились на 14 территориальных округов.⁹³

Пастор С.Я. Лауриккала пользовался особой известностью и популярностью среди верующих, его называли «духовным отцом ингерманландских финнов».⁹⁴ В 1920-е г., вследствие нехватки священников, он отправлял богослужения в нескольких приходах: помимо рябовского прихода, который он официально возглавлял, и ленинградского прихода Св. Марии, он также обслуживал приходы Колтуши (1917–1931 гг.), Марково-Ярвисаари (1921–1923 гг.), Дудергоф и Хиетамяки (1922–1937 гг.). С 1923 г. он занимал должность пробста Северной Ингрии. Владея эстонским языком, Лауриккала читал проповеди не только в финских, но и в эстонских церквях. В 1929 г., после смерти эстонского епископа А.Э. Юргенсона, он был избран также председателем эстонской консистории. В 1929–1931 гг. ему приходилось проводить службы и в шведской церкви Св. Екатерины.⁹⁵

Влияние церкви среди ингерманландских финнов в 1920-е гг. оставалось весьма значительным. Правда, в докладе уполномоченного Центрального бюро финских организаций РКПЯ. Рахья о работе среди финского населения, датированном январем 1923 г., отмечалось, что «последнее время, в связи с про-

⁹¹ Luther G. Op. cit. S. 96–97.

⁹² Kahle W. Op. cit. S. 99.

⁹³ Luther G. Op. cit. S. 96.

⁹⁴ Селим Ялмари Лауриккала (1882–1957) родился в деревне Каука волости Пюханранта лена Турку (Обу). В 1905 г. закончил школу в городе Усуикаупунки (Нюстад), в 1908 г. — Хельсинкский университет. В феврале 1909 г. приехал в Россию. В 1909–1914 гг. был священником в приходе Котлы — Сойкино — Новоселки, с 1914 г. возглавлял приход Рябово.

⁹⁵ Laurikkala S.S. J. Laurikkala Inkerinsuomalaisten hengellinen isä. Uusikaupunki, 1970. S. 59, 65, 69.

водимой антирелигиозной пропагандой, работой коллективов и клубов, религиозное течение, особенно среди молодого поколения, стало заметно падать».⁹⁶ Однако в других информационных сводках и донесениях с мест содержались сведения, противоречившие этому утверждению. В некоторых волостях Шлиссельбургского уезда, в частности, крестьяне отказывались поддерживать школы, если в них не будет преподаваться закон божий.⁹⁷ В материалах о работе подотдела национальных меньшинств агитотдела Ленинградского обкома партии за 1927 г. констатировались рост влияния религиозных организаций на ингерманландских крестьян, усиление тяги молодежи к религиозным обрядам, отмечались случаи, когда церкви открывались и ремонтировались на средства крестьян, в некоторых деревнях жители передавали в распоряжение пасторов помещения трудовых школ.⁹⁸ Почти вся ингерманландская молодежь продолжала проходить обряд конфирмации с предшествующим 3–4 недельным посещением конфирмационной школы (tõrrikoulu).⁹⁹ Атеистическая пропаганда велась в Ингерманландии на протяжении всего десятилетия,¹⁰⁰ но делалось это без особого нажима.

Угроза для лютеранской церкви исходила тогда не столько от властей и антирелигиозных активистов, сколько от сектантства различного толка. Так, еще в 1919 г. в деревне Соколово Детскосельского уезда была основана религиозная организация баптистского толка — Ингерманландское миссионерское общество, в состав которого входили первое время 165 человек. В следующем году общество было переименовано в Ингерманландский союз евангельских христиан. Поначалу союз действовал в Детскосельском (с 1923 г. — соответственно в Гатчинском) уезде, затем распространил свою деятельность также на Петроградский и Кингисеппский уезды. К середине 1920-х гг. союз уже объединял ряд общин, для координации их деятель-

⁹⁶ ЦГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 91. Л. 60.

⁹⁷ Там же. Д. 58. Л. 117 об.

⁹⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 87.

⁹⁹ ЦГА СПб. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2580. Л. 160 об.

¹⁰⁰ В 1923 г., к примеру, в Ингерманландии было проведено 16 антирелигиозных митингов, один — в Петрограде, в том же году была издана тиражом в 3500 экземпляров брошюра «Освобождает ли религия», автором которой был один из руководителей ФКП Ю. Сиrolа (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 885. Л. 45).

ности ежегодно созывались съезды, в перерывах между которыми в качестве исполнительного органа съезда работал союзный совет. Председателем совета был Г. Пипаринен. Союз был официально зарегистрированной организацией и имел свою печать.¹⁰¹ В списке церквей и религиозных общин, действовавших в Кингисеппском уезде в 1925 г., фигурировали община евангельских христиан в Котлах, Веймарнская община христиан 7-го дня (видимо, адвентистов) в деревне Хорошево Ястребинской волости, некая община Ингерманландских христиан в Куземкино.¹⁰² С середины 1920-х гг. сектантство начало распространяться в Ингерманландии весьма активно (особенно в Волосовском, Урицком, Куйвозовском и Мгинском районах) и не без успеха конкурировало с лютеранством.¹⁰³

В Куйвозовском районе автономия ингерманландского населения имела территориальный характер. Местные сельсоветы фактически были органами национального самоуправления. На заседании Куйвозовского волостного исполкома в июле 1927 г. было даже принято постановление все вывески, плакаты, объявления писать на двух языках — финском и русском, в лавках выставить двуязычные преискуранты.¹⁰⁴ Президиум Ленинградского окружного исполкома на своем заседании от 21 февраля 1928 г. счел необходимым в Куйвозовском районе «часть делопроизводства в виде опыта перевести на финский язык».¹⁰⁵ Вообще языковой вопрос создавал определенные проблемы: фин-

¹⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 3. Л. 4; Оп. 8. Д. 21. Л. 16; Оп. 9. Д. 15. Л. 3–4. Союз имел свой устав, согласно которому, он имел своей целью «проводить в жизнь задания в тех отраслях работы божьей, которые были бы не под силу отдельным общинам, как то: 1. правильно постановленное дело распространения евангельских истин и 2. проведение их в жизнь путем развития общественной жизни общин» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 15. Л. 3).

¹⁰² ЦГАИПД СПб. Ф. 806. Оп. 1. Д. 354. Л. 27.

¹⁰³ Там же. Ф. 24. Оп. 8. Д. 110. Л. 46, 87; ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 60. Л. 34. В протоколе общего собрания секретарей национальных секций агитационного отдела Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1924 г. была сделана запись: «Обратить внимание Финсекции на борьбу с религиозным влиянием баптистских и других сект, начать борьбу с ними путем постановки устной и печатной пропаганды в газете, а также в издании листовок и литературы» (ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 12. Д. 11 905. Л. 177).

¹⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 212. Оп. 1. Д. 525. Л. 40 об.

¹⁰⁵ Там же. Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2580. Л. 152.

ское население Карельского перешейка в своей массе плохо владело русским языком, работавшие же в районах расселения финнов должностные лица, врачи, агрономы зачастую не понимали по-фински. Такая ситуация отмечалась, в частности, в бывшей Токсовской волости, где работу приходилось проводить через переводчиков.¹⁰⁶ На территории Куйвозовского района протоколы заседаний сельсоветов, переписка велись на финском языке, тогда как инструкции и постановления районного исполнительного комитета составлялись на русском.¹⁰⁷ Только в 1928 г. финский язык был провозглашен единственным языком образования и делопроизводства в районе.¹⁰⁸ Для национальных сельсоветов других районов окружной исполком в инструкции районным исполкомам, изданной в мае 1929 г., рекомендовал использовать национальный язык при различных видах работ, в частности, при даче объяснений и справок, ведении протоколов заседаний сельсоветов и общих собраний, чтения докладов и проведения разъяснительных кампаний, составлении производственных и календарных планов работы сельсовета, написания объявлений, вывесок, призывов и т. п.¹⁰⁹ Хозяйственное развитие в Куйвозовском районе в годы НЭПа шло успешно. В отчете за 1928 г. отмечены увеличение посевных площадей на 80 десятин, значительный рост поголовья скота.¹¹⁰ В том же году секретариат Ленинградского обкома ВКП (б) подчеркнул хорошее состояние пахотных земель у ингерманландских финнов.¹¹¹ В 1920-е гг. ингерманландцы, пользуясь возможностями, предоставленными новой экономической политикой, снова начали сбывать продукцию своих хозяйств в Ленинграде, как они это делали в дореволюционный период.

Таким образом, опыт развития Ингерманландии в 1920-е гг., прежде всего в хозяйственном отношении, в целом можно расценить как положительный, хотя конечно же идеологический диктат правящей партии давал о себе знать, делая это развитие несколько односторонним. Так или иначе, именно в этот пери-

¹⁰⁶ Там же. Ф. 212. Оп. 1. Д. 270. Л. 16.

¹⁰⁷ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 2.

¹⁰⁸ Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. Vol. 24. No. 2. 1996. P. 238.

¹⁰⁹ ЛОГАВ. Ф. р-407. Оп. 1. Д. 60. Л. 28.

¹¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 4.

¹¹¹ Nevalainen P. Inkeriläiset ja Pietari. S. 39.

од своей истории ингерманландцы во многих сферах своей жизни и деятельности обладали возможностями, которые в последующем им уже не представлялись.

2. Ингерманландская диаспора в Финляндии.

Ингерманландский вопрос и советско-финляндские отношения.

Как и во время гражданской войны, внутреннее развитие Ингерманландии и других российских областей с прибалтийско-финским населением было связано с советско-финляндскими межгосударственными взаимоотношениями. Политика советских властей по отношению к ингерманландскому меньшинству, с одной стороны, зависела от состояния отношений между РСФСР/СССР и Финляндией и, с другой стороны, сама оказывала влияние на них. Восстание в Восточной Карелии в конце 1921 — начале 1922 гг. сопровождалось новым усилением напряженности, после же его подавления и до конца 1920-х гг. советско-финляндские отношения находились в состоянии неустойчивого равновесия. Политические контакты были сведены к минимуму, но и явной враждебности не наблюдалось. В 1922 г. финляндский парламент отказался ратифицировать соглашение об оборонном союзе с Польшей, антисоветская направленность которого была бы очевидна. В 1923—1930 гг. командование РККА и Ленинградского Военного Округа руководствовалось тезисом о нейтралитете Финляндии в случае войны между СССР и третьим государством. Авторы составленного в 1928 г. доклада «Будущая война», сотрудники 4-го Управления Генштаба РККА, выражали мнение, что с Финляндией у СССР «из всех западных соседей меньше всего противоречий. И этнографически, и экономически, и исторически Финляндия имеет все права на самостоятельное существование, не оспариваемое Советским Союзом».¹¹² Подобного мнения придерживались и в НКВД: полпред в Финляндии И.Л. Лоренц в декабре 1925 г. отмечал в своем докладе, что финляндское руководство «из всех наших непосредственных соседей менее всего склонно в отношении нас идти на какие бы то ни было агрессивные шаги».¹¹³

¹¹² Килин Ю.М. Военно-политические аспекты советско-финляндских отношений в 1920-1930-е годы // Россия и Финляндия в XX веке. С. 86—87.

¹¹³ Рупасов А.И. Указ. соч. С. 48.